

Начальник задумался, выкурил уже две сигареты. Затушив вторую, выпустил дым и сказал: «Искать! Трёхколёсный!»

Янлю — крупнейший посёлок на окраине Наньяна. В отличие от центральных магистралей города, здесь электрические трёхколёсные велосипеды, давно изгнанные из мегаполиса, нашли своё последнее пристанище. И, конечно, этих доживающих свой век «инвалидов», как и самих доживающих свой век людей, было поразительно много. Их видели повсюду: на больших улицах и в узких переулках, в полях и деревенских рощах. Они хозяйничали и там, куда могли добраться автомобили, и там, куда те не могли. На широких дорогах они соперничали с другим транспортом, а на узких тропах и вовсе были королями. По неполным данным, в посёлке насчитывалось не менее тысячи таких электромобилей — без номеров, без документов, словно призраки.

После приказа начальника пять групп быстро приступили к делу. В руках у каждого был увеличенный цветной снимок — скриншот с трёхколёсником. Цель: всем вместе, не отрывая глаз, изучить этот велосипед слева, справа, сверху, снизу, в движении и в покое, найти все особенности, которые позволят отличить его от тысячи других.

Не увидев — не поймёшь, а увидев — испугаешься. Сравнив снимок с множеством знакомых до боли трёхколёсников, все обнаружили серьёзнейшую проблему: неужели они все с одного завода? Все внешние характеристики казались абсолютно идентичными, особенно ночью, когда цвет различить невозможно, а форма — одна и та же. Смотреть на это было до слёз грустно.

Ван Бинь потер глаза: «Да они все на одно лицо. Я больше не могу, сейчас глаза на лоб полезут».

Сюй Фэй сказал: «Я думал, это номер, а оказалось — реклама на задней части».

Му Чэнь воскликнул: «Реклама! Точно, на многих машинах реклама разная. По этому признаку можно отсеять часть».

Так круг сузился: примерно с тысячи до восьмисот.

Хотя у Су И с утра и шла носом кровь, явно не из-за болезни — сейчас он чувствовал себя прекрасно. После того как эта «грешная» кровь покинула тело, голова перестала кружиться, в глазах прояснилось. Он указал на схему: «Чэнь, посмотри, что это за штырь наверху?»

Му Чэнь взял изображение: «Кажется, антенна. Вроде у других тоже есть».

Извозчики, проводящие всё своё время в пределах квадратного метра своего транспортного средства, по-разному коротали время. Кто-то полностью сосредотачивался на работе — на поиске пассажиров и самой поездке. А кому-то было скучно, и в свободные минуты они находили себе хобби: самостоятельно устанавливали на свои «любимцы» антенны, чтобы в перерывах между клиентами слушать радио и коротать время. Так одна антенна разделила низший класс трудящихся по культурному уровню. Видимо, извозчик, подвозивший подозреваемого, был тем ещё любителем знаний.

Су И снова ткнул пальцем в середину штыря: «Чэнь, посмотри на это место, вроде как сломано».

Несколько голов дружно склонились, уставившись на антенну. На первый взгляд она казалась изогнутой, но при дальнейшем рассмотрении возникало ощущение, что она изогнулась под их

пристальным, испепеляющим взглядом.

Му Чэнь снова взял изображение, сравнёл с другими трёхколёсниками, внимательно изучил и хлопнул себя по бедру: «Точно! Смотрите все, антенна у этой машины — гнутая! Не прямая!»

Су И рядом вздохнул. Звучало это как-то... неловко.

После сравнения все убедились: угол изгиба действительно отличался от антенн на других трёхколёсниках. Создавалось впечатление, что антенна переломилась посередине, и кто-то склеил её изолентой — очень небрежно, поэтому она и загнулась.

Угол этого изгиба было практически невозможно определить на глаз и запомнить. Пришлось задействовать величайшую научную теорию Эйнштейна — теорию относительности — и сравнивать, чтобы с трудом выявить единственное отличие.

Каждая из пяти групп получила по огромной цветной фотографии-скриншоту. Теперь предстояло, словно искать иголку в стоге сена, выйти на улицы и отыскать тот самый трёхколёсный велосипед с многотрадной гнутой антенной.

Разумеется, все допускали возможность, что хозяин трёхколёсника, вернувшись домой, обнаружит, что гнутая антенна портит вид или ухудшает приём, и в порыве вдохновения заменит её. Оставалось лишь молиться, чтобы дяденька продержался ещё пару дней, временно подавив в себе недовольство этим предметом, вспомнив о его долгом верном служении, и позволил ему пободрячить ещё несколько дней.

Группы сосредоточились вокруг круговой развязки на главной улице Янлю, перекрыв пять постов, что в принципе позволяло контролировать все въезды и выезды из посёлка. Если только у того не вырастут крылья, он не ускользнёт из расставленной элитными силами сети.

Су И и Му Чэнь отвечали за большой круг на главной улице. С момента получения приказа прошло уже почти восемь часов, на этом перекрёстке они проверили минимум три-четыре десятка машин.

Июньское солнце ещё не было таким палящим, как в июле-августе, но простоять под ним восемь часов — удовольствие сомнительное. Су И уже едва держался на ногах от усталости, взглянул на Му Чэня — тот тоже был измотан. Они кружили вокруг развязки, завидев более-менее похожую машину, подбегали, осматривали, задавали пару вопросов: «Антенну не меняли?», «Машина новая?»... Народ смотрел на них, как на дурачков.

Сейчас, когда силы окончательно иссякли, Му Чэнь и Су И, позабыв о полицейском имидже, плюхнулись прямо на клумбу развязки. Су И безжизненно простонал: «Так есть хочу, и так устал...»

Му Чэнь так же безжизненно ответил: «Я тоже...»

Обычно, едва Су И произносил слово «голоден», Му Чэнь сразу же шёл готовить или покупать еду. Сегодня же он даже не пошевелился.

Что ж, очевидно, всем ветрам и цветам нужна твёрдая почва под ногами и полный желудок.

Сидели они, как два попрошайки, среди спешащих туда-сюда людей, в надежде, что кто-то сжалятся и подаст поесть, как вдруг с рёвом подлетела полицейская машина.

«О, Симэнь! О, еда! Вставай скорее!» — Су И дёрнул Му Чэня за руку. Они встретили Симэня как спасителя, приняв из его рук две миски с едой.

Симэнь сказал: «Чэнь, Су И, ешьте пока, я посторожу».

Му Чэнь и Су И готовы были расплакаться от умиления.

Пожинав, около семи вечера, на улицы хлынула новая волна трёхколёсников. Су И и Му Чэнь просто не успевали: только отошли от одного, как тут же подъезжал следующий. Самый час пик, ни минуты покоя.

Примерно к девяти наступило небольшое затишье. Су И снова рухнул на край клумбы, чтобы перевести дух.

На клумбе возвышались пять каменных колонн, внутри которых были искусно вырезаны какие-то изваяния. С наступлением сумерек, когда зажглись фонари, изнутри колонн стал сочиться золотистый свет, подобный сиянию будд.

Су И каждый день проходил мимо этого места, но никогда не останавливался, чтобы рассмотреть, что же там изображено. Теперь, простояв здесь почти двенадцать часов, в редкие свободные мгновения он внимательно изучил каменные фигуры. Слово это были изваяния будд или, возможно, восемнадцать архатов, стоящие в центре посёлка и охраняющие его покой и благоденствие.

Наньян издревле был буддийским святым местом, большие и маленькие храмы рассыпаны здесь повсюду. Янлю же славился храмом Линтянь, основанным великой наставницей Линшань. Хотя Су И не проникся учением великой наставницы и не принял прибежища в Дхарме, в сердце он всё же хранил благоговение. Правда, это благоговение заканчивалось на отказе от мясной пищи.

Впрочем, по сравнению с буддизмом, Су И гораздо больше интересовался даосскими учениями.

«Синдром сумеречной тревоги» давно преследовал Су И, все эти годы неотступно следуя за ним. В тяжёлые моменты, или когда настроение было подавленным, он даже мог ощущать стеснение в груди, одышку, тоску и отчаяние. Но Су И никогда никому об этом не рассказывал. Кроме того, что он был немного неразговорчив и не любил шумные сборища, в основном всё было вполне нормально — по крайней мере, так ему самому казалось.

К тому же, у этого состояния был и положительный побочный эффект: чтобы смягчить это беспричинное уныние, Су И с ранних лет полюбил читать. Пока других детей родители ругали, били и заставляли учиться, Су И уже сознательно начал грызть гранит науки.

В некоторых областях он даже проявлял поразительные способности. Пока однажды, подняв голову к небу, бесчисленные звёзды не пробудили в нём безграничные грёзы. В сочетании с его необычным пространственным мышлением, это пробудило в Су И интерес ко многим тайным знаниям.

Хуагай, Сяньчи вместе с Гуй — если не станешь искусным мастером, то непременно станешь учителем.

«Ах, значит, в моей судьбе есть Хуагай! Я и правда необычайно одарён. Значит, моя судьба — это особая конфигурация, значит, в моей жизни есть покровитель...»

<http://bllate.org/book/16252/1461916>